

Российская Академия Наук
КОЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина

5/2017 (56)
основан в 1998 г.

& СЕВЕР
НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ
РЫНОК
ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

Апатиты
2017

СЕВЕР И РЫНОК: формирование экономического порядка № 5 (56) 2017

Научно-информационный журнал

Основан в 1998 году

чл.-корр. РАН Геннадием Павловичем Лузиным

Выходит 4 раза в год.

**Учредитель — Институт экономических проблем
им. Г. П. Лузина Кольского научного центра
Российской академии наук**

**DOI: 10.25702/KSC.2220-802X-5-2017-56
ISSN 2220-802X**

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № ФС77-64950 от 24.02.2016

**выдано Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций.**

Редакционная коллегия:

к. э. н., доц. Башмакова Е. П.
д. э. н., проф. Васильев А. М.
к. э. н., доц. Залкинд Л. О.
к. э. н. Иванова Л. В.
к. э. н., доц. Кобылинская Г. В.
к. э. н., доц. Кондратович Д. Л.
д. э. н., проф. Козьменко С. Ю.
Павлова С. А. (отв. секретарь)
к. э. н., доц. Рябова Л. А.
д. э. н., проф. Селин В. С. (главный редактор)
д. э. н., проф. Скуфьина Т. П. (зам. главного редактора)
к. э. н., доц. Торопушина Е. Е.
к. э. н., доц. Ульянов М. В.
к. э. н., доц. Шпак А. В.
к. т. н., доц. Цукерман В. А.
д. э. н., проф. Храпов В. Е.

Ответственный редактор номера — к. э. н. Л. В. Иванова

184209, г. Апатиты Мурманской области,

ул. Ферсмана, 24 а.

Тел.: 8-81555-79-257.

E-mail: pavlova@iep.kolasc.net.ru.

С требованиями к авторам статей и редакционной политикой
журнала можно ознакомиться на сайте журнала по адресу:
<http://www.iep.kolasc.net.ru/journal/>.

Позиция редакции необязательно совпадает с мнением автора.

**Журнал включён в Перечень рецензируемых научных
изданий, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание учёной
степени кандидата наук, на соискание учёной степени
доктора наук (Перечень ВАК) с 06 июня 2017 года по группе
научных специальностей 08.00.00 — Экономические науки.**

**Журнал включён в систему Российского индекса научного
цитирования.**

**Журнал включён в Реферативный журнал
и Базы данных ВИНТИ.**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Айлин Эспириту, доктор политических наук, научный сотрудник Баренц-
института Арктического университета Норвегии (Киркенес, Норвегия)

Акулов Владимир Борисович, доктор экономических наук, профессор,
декан экономического факультета, зав. кафедрой экономической теории
и менеджмента Петрозаводского государственного университета
(Петрозаводск, Россия)

Лаженцев Виталий Николаевич, член-корреспондент РАН, главный
научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических
проблем Севера Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

Ласси Хейнинен, доктор политических наук, профессор Университета
Лапландии (Рованиemi, Финляндия)

Ларичкин Федор Дмитриевич, доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономических проблем им. Г. П.
Лузина Кольского научного центра РАН (Апатиты, Россия)

Марит Ауре, доктор политических наук, Центр гендерных исследований
при Арктическом университете Тромсе, старший научный сотрудник в
Северном научно-исследовательском институте (Norut, Тромсе,
Норвегия)

Маслобоев Владимир Алексеевич, доктор технических наук,
профессор, заместитель Председателя Кольского научного центра РАН
по научной работе (Апатиты, Россия)

Мешалкин Валерий Павлович, академик РАН, директор
Международного института логистики ресурсосбережения и
технологической инноватики (НОЦ) Российского химико-
технологического университета им. Д. И. Менделеева, зав. кафедрой
логистики и экономической информатики (Москва, Россия)

Моника Теннберг, доктор социальных наук, профессор Арктик-центра
университета Лапландии (Рованиemi, Финляндия)

Николаев Анатолий Иванович, член-корреспондент РАН, заместитель
директора Института химии и технологии редких элементов и
минерального сырья им. И. В. Тананаева Кольского научного центра РАН
(Апатиты, Россия)

Павлов Константин Викторович, доктор экономических наук,
профессор Ижевского государственного технического университета им.
М. Т. Калашникова (Ижевск, Россия)

Пилясов Александр Николаевич, доктор географических наук,
профессор, генеральный директор АНО «Институт регионального
консалтинга», председатель российской секции Европейской
ассоциации региональной науки, председатель социально-
экономической секции Экспертного совета по Арктике и Антарктике при
председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ (Москва,
Россия)

Расмус Оле Расмуссен, доктор географических наук, старший научный
сотрудник Северного центра пространственных исследований Nordregio
(Стокгольм, Швеция)

Сергунин Александр Анатольевич, доктор политических наук,
профессор кафедры теории и истории международных отношений
СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)

Фруде Нильсен, доктор экономических наук, профессор Высшей
школы бизнеса Университета Нурланда (Буде, Норвегия)

Шихвердиев Ариф Пирвелиевич, доктор экономических наук,
профессор, академик РАЕН, зав. кафедрой экономической теории и
корпоративного управления Сыктывкарского государственного
университета (Сыктывкар, Россия)

Швецов Александр Николаевич, доктор экономических наук,
заместитель директора Федерального исследовательского центра
«Информатика и управление» Российской академии наук (Москва,
Россия)

Научное издание

Редактор Ю.Н. Еремеева

Технический редактор: В.Ю. Жиганов

Подписано к печати 18.01.2018. Формат 60х84 1/8.

Усл. печ. л. 23,02. Тираж 500 экз. Заказ № 10.

ФГБУН КНЦ РАН

184209, г. Апатиты, Мурманская область, ул. Ферсмана, 14

В. В. Фаузер

доктор экономических наук, профессор, руководитель отдела социально-экономических проблем, заведующий лабораторией демографии и социального управления
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар, Россия

Т. С. Лыткина

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар, Россия

Г. Н. Фаузер

научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар, Россия

МИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР ДИНАМИКИ ЧИСЛЕННОСТИ И ЭТНИЧЕСКИХ СТРУКТУР НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА¹

Аннотация. Рассматривается динамика численности и этническая структура населения северных регионов России. Основное внимание уделено динамике и этнической структуре населения, проживающего в национально-территориальных образованиях. Раскрывается влияние миграции на этнический состав населения принимающих территорий. Показывается, что коренное население, некогда составляющее абсолютное большинство, в результате колонизации их территорий с целью вовлечения природных ресурсов в промышленный оборот, стало составлять лишь небольшую долю в структуре населения. Применён методический подход в исследовании этнических структур населения, связанный с отбором десяти наиболее многочисленных национальностей в составе населения России и оценкой их представительства в структуре населения российского Севера. Сделан вывод, что только русские, украинцы, татары и башкиры принимают активное участие в заселении северных регионов, формировании там демографического и трудового потенциалов; при этом Европейский и Азиатский Север имеет разную привлекательность для народов России.

Ключевые слова: российский Север, население, коренные этносы, этническая структура, миграции населения, национально-территориальные образования, национальный состав домохозяйств.

V. V. Fauzer

Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Department of Socio-Economic Problems and the Laboratory of Demographic and Social Management
Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia

T. S. Lytkina

PhD (Sociology), Senior Researcher of the Laboratory of Demographic and Social Management
Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia

G. N. Fauzer

Researcher of the Laboratory of Demographic and Social Management
Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russian Federation

MIGRATORY FACTOR OF THE POPULATION DYNAMICS AND ETHNIC STRUCTURES IN THE RUSSIAN NORTH

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России» (№ ГР АААА-А16-116021210329-2, 2016–2018 гг.).

Abstract. The article considers the dynamics and ethnic structure of population in the Northern Russian regions. The authors mainly focus on dynamics and ethnic structure of the population, living in national-territorial formations. The impact of migration on ethnic composition of the population of the receiving territories is disclosed. It is demonstrated that indigenous population, formerly constituting the absolute majority, reduced to a small proportion in population structure due to colonization of their territories for involving natural resources into industrial turnover. In the research of ethnic structures of the population the authors use the methodical approach linked with selection of ten most numerous nationalities of the Russian population and estimation of their representation in population structure of the Russian North. The conclusion of the research is that only Russians, Ukrainians, Tatars and Bashkirs take active part in settling the Northern regions, forming demographic and labour potential; herewith European and Asian North have different attractiveness for nationalities of Russia.

Keywords: Russian North, population, indigenous groups, ethnic structure, population migrations, national-territorial formations, national composition of households.

Введение

Научных работ, раскрывающих этнодемографические процессы, влияние миграции на общую численность населения, этнические структуры и воспроизводство населения, достаточно много [1–7]. В то же время публикаций по коренным этносам российского Севера значительно меньше, но есть заслуживающие внимания для написания нашей статьи [8–10]. Нам представляется важным дополнить эти работы с учётом последних изменений, зафиксированных переписью населения 2010 г. и микропереписью населения 2015 г. Необходимо оценить взаимосвязь миграции и этнических структур, в первую очередь, для территорий проживания коренных этносов российского Севера. Влияние миграции на этнические структуры наиболее заметно проявилось на отдалённых территориях (северных и восточных) в результате заселения их пришлым населением с целью вовлечения в экономический оборот природных ресурсов [11]. Заслуживают внимания работы зарубежных исследователей по данной или близкой тематике [12–14].

Ставится цель — раскрыть взаимосвязь миграционных и этнических процессов. Для её раскрытия решаются две задачи: а) выявить влияние миграции на численность и этнические структуры населения северных регионов России; б) оценить вклад десяти наиболее многочисленных национальностей страны в демографический и трудовой потенциал российского Севера.

Для анализа динамики численности коренных этносов и этнических структур в качестве «стартового» взят 1939 г., поскольку к этому времени все коренные этносы Севера России оформили свои национально-территориальные образования (исключение Тыва, 1944 г.) и еще не были подвержены массовым принудительным миграциям [15].

В качестве объекта исследования выступают районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности, с выделением в особую группу — национально-территориальные образования. Предметом исследования стали динамика и этнические структуры населения северных регионов, представительство в них десяти наиболее многочисленных национальностей России.

Информационная база: материалы переписей населения, начиная с 1939 г. и заканчивая 2010 г., а также материалы микропереписи 2015 г., данные текущего учёта Росстата на 1 января соответствующего года.

Общая характеристика населения

На 1 января 2017 г. численность населения российского Севера составила 9 млн 953,7 тыс. чел., или 6,78 % населения России. В регионах, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, — 7 млн 862,0 тыс. чел., или 5,35 % населения страны. Основная часть населения Севера проживает в субъектах, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям (78,99 % от численности населения Севера) [16, с. 122]. Два региона имеют численность населения свыше 1 млн человек: Архангельская обл. — 1 млн 166 тыс. и Ханты-Мансийский АО — 1 млн 646 тыс. чел. Два субъекта не дотягивают до 50 тыс.: Ненецкий АО — 43,9 тыс. и Чукотский АО — 49,8 тыс. чел. Численность населения Азиатского Севера (4 млн 461 тыс.) превосходит население Европейского Севера (3 млн 401 тыс.) на 1 млн 060 тыс. чел. Российский Север высоко урбанизирован, на сельское население приходится 1 млн 467 тыс. (18,7 %), а на городское — 6 млн 395 тыс. чел. (81,3 %, в целом по России — 74,3 %). Есть города с численностью населения свыше 100 тыс. чел.: Сургут — 360,6; Архангельск — 351,5; Якутск — 307,9; Мурманск — 298,1; Петрозаводск — 278,6; Нижневартовск — 274,6; Сыктывкар — 244,6; Южно-Сахалинск — 194,9; Северодвинск — 184,0; Петропавловск-Камчатский — 180,5; Нефтеюганск — 126,2; Кызыл — 116,0; Новый Уренгой — 113,3; Ноябрьск — 106,9.

Население российского Севера проживает в 294 городских округах и муниципальных районах. Из них 132 (44,9 %) расположены в районах Крайнего Севера, а 162 (55,1 %) — в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера. Средняя площадь административной единицы, расположенной на Севере, составляет 40,6 тыс. км², в том числе в районах Крайнего Севера — 66,7 тыс. км², а в местностях, приравненных — 19,3 тыс. км², по России в целом — 7,3 тыс. км². На Севере России расположено 8 национально-территориальных образований: республики — Карелия, Коми, Саха (Якутия), Тыва и автономные округа — Ненецкий, Ханты-Мансийский (Югра), Чукотский и Ямало-Ненецкий. В них проживают титульные этносы: карелы, коми, манси, ненцы, тувинцы, ханты, чукчи и якуты.

С 1989 по 2017 гг. численность населения северных регионов уменьшилась с 9 млн 693 тыс. до 7 млн 862 тыс., или на 1 млн 831 тыс. чел., в том числе в национальных регионах — на 404 тыс. чел. Сокращение коснулось как городского, так и сельского населения. В пяти регионах из восьми произошло уменьшение численности населения, а в трёх — рост. Завидное постоянство в положительной динамике населения показывают Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Республика Тыва (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения в национальных регионах российского Севера по расселению в 1989 г., 2002 г. и 2017 г., тыс. чел.

Регион	1989 г.			2002 г.			2017 г.		
	всего	город	село	всего	город	село	всего	город	село
Север, всего	9692,9	7654,6	2038,3	8300,7	6588,4	1712,3	7 862,0	6394,6	1467,4
в т.ч. в национальных образованиях	5438,7	4169,4	1269,3	5024,9	3858,1	1166,8	5034,9	4004,1	1030,8
Республика Карелия	790,2	643,5	146,7	716,3	537,4	178,9	627,1	502,8	124,3
Республика Коми	1250,8	944,4	306,4	1018,7	766,6	252,1	850,6	663,4	187,2
Республика Саха (Якутия)	1094,1	732,0	362,1	949,3	610,0	339,3	962,8	630,5	332,3
Республика Тыва	308,6	144,3	164,3	305,5	157,3	148,2	318,6	172,1	146,5
Ненецкий АО	53,9	34,3	19,6	41,5	26,2	15,3	43,9	31,8	12,1
Ханты-Мансийский АО — Югра	1282,4	1166,3	116,1	1432,8	1301,9	130,9	1 646,1	1519,8	126,3
Чукотский АО	163,9	119,0	44,9	53,8	35,9	17,9	49,8	34,9	14,9
Ямало-Ненецкий АО	494,8	385,6	109,2	507,0	422,8	84,2	536,0	448,8	87,2

Численность титульных национальностей, проживающих в национальных округах и республиках российского Севера

Россия по праву считается одним из самых многонациональных государств мира. Наиболее многочисленные, или наоборот малочисленные, имеют свои национальные образования (республики, округа), каждый из народов имеет свои национально-культурные особенности, специфику в хозяйственной деятельности и социально-профессиональной структуре [17, с. 3]. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., на территории Российской Федерации проживают представители 193 национальностей. Большинство народов России на протяжении веков формировались на территории современного государства и внесли свой вклад в развитие российской государственности и культуры [18].

Масштабное привлечение населения на Север и Восток страны (добровольно или принудительно) было связано с реализацией крупных промышленных проектов [19–21]. Миграции населения из всех территорий СССР в северные и восточные регионы страны внесли изменения в этнические структуры осваиваемых / заселяемых территорий, ареалов проживания коренных этносов [22]. Больше всего подверглись миграционному влиянию такие титульные нации, как: карелы, коми, манси, ханты и ненцы (в Ямало-Ненецком АО). Два народа (тувинцы и якуты) остаются пока не только достаточно многочисленными титульными этносами на своих территориях, но они также занимают значительную долю в этнической структуре населения своих республик.

В 1939 г. общая численность коренных этносов северных национальных регионов, проживающих в России, составляла 970 тыс. 999 человек, из них 622 тыс. 318 чел. (64,1 %) проживало на этнической родине. По переписи населения 2010 г., численность коренных этносов Севера России увеличилась до 1 млн 134 тыс. 829 чел. — на 163 тыс. 830 чел., или на 16,9 % по отношению к 1939 г. Из них на этнической территории проживало 1 млн 43 тыс. 802 чел. (92,0 %). Можно заключить, что за прошедшие 72 года коренные этносы российского Севера стали жить компактнее, что может одновременно свидетельствовать как о патриотических чувствах — желании жить на своей этнической родине, так и социальном исключении, когда возможности за пределами своих сообществ остаются недоступными. Динамика численности титульных национальностей Севера России представлена в таблице 2.

Таблица 2

Численность титульных национальностей российского Севера,
по данным переписей населения 1939–2010 гг., чел.

Регион	Титульный этнос	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Республика Карелия	Карелы	108571	85473	84168	81248	78928	65651	45570
Республика Коми	Коми	231301	245357	276178	280798	291542	256464	202348
Республика Саха (Якутия)	Якуты	233273	226053	285749	313917	365236	432290	466492
Республика Тыва	Тувинцы	-	97996	135306	161888	198448	235313	249299
Ненецкий АО	Ненцы	5602	4957	5851	6031	6423	7754	7504
Ханты-Мансийский АО	Манси	5768	5644	6684	6156	6562	9894	10977
	Ханты	12238	11435	12222	11219	11892	17128	19068
Чукотский АО	Чукчи	12111	9975	11001	11292	11914	12622	12772
Ямало-Ненецкий АО	Ненцы	13454	13977	17538	17404	20917	26435	29772
Всего по титульным этносам		622318	700867	834697	889953	991862	1063551	1043802

С 1939 по 2010 гг. численность лиц титульных национальностей уменьшилась в республиках Карелия и Коми на 63001 и 28953 чел. соответственно. В остальных национальных регионах наблюдался рост численности: в Республике Саха (Якутия) — на 233219 чел. (в 2,0 раза), в Республике Тыва — на 151303 чел. (в 2,5 раза), в Ямало-Ненецком АО — на 16318 чел. (в 2,2 раза), в Ханты-Мансийском АО — ханты на 6830 чел. (в 1,6 раза) и манси — на 5209 чел. (в 1,9 раза), в Ненецком АО — на 1902 чел. (134,0 %), в Чукотском АО — на 661 чел. (105,5 %). Из представленных данных следует, что в рассматриваемый период времени практически все коренные этносы показали положительную динамику роста своей численности и все «политические» заявления о вымирании большинства этносов Севера России беспочвенны [23].

Расселение коренных этносов

Можно отметить и такую положительную тенденцию для отдельных этносов, как их локализацию в своих национальных образованиях. В настоящее время наиболее сконцентрировано проживают на этнической родине следующие этносы: в Республике Саха (Якутия) — якуты составляют 97,6 %; в Республике Тыва — тувинцы — 94,5 %; в Республике Коми — коми — 88,7 %; в Чукотском АО — чукчи — 80,3 % (от их численности в населении России). В большей мере живут вне своих национальных образований карелы — 25,1 %, но по сравнению с 1939 г. доля проживающих в Республике Карелия увеличилась на 31,4 процентных пункта (п. п.) (табл. 3).

Таблица 3

Доля титульных этносов,
проживающих на территории национальных республик и округов российского Севера
от их общей численности в населении России, по данным переписей населения 1939–2010 гг., %

Регион	Титульный этнос	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Республика Карелия	Карелы	43,5	52,1	59,6	61,0	63,2	70,3	74,9
Республика Коми	Коми	55,7	86,8	87,6	87,7	86,7	87,4	88,7
Республика Саха (Якутия)	Якуты	96,4	95,7	96,8	96,1	96,1	97,4	97,6
Республика Тыва	Тувинцы	-	98,1	97,3	97,9	96,3	96,7	94,5
Ненецкий АО	Ненцы	22,7	21,7	20,5	20,5	18,8	18,8	16,8
Ханты-Мансийский АО	Манси	91,6	89,3	87,8	82,8	79,3	86,5	89,5
	Ханты	66,3	59,4	58,2	54,1	53,4	59,7	61,6
Чукотский АО	Чукчи	87,6	85,4	81,5	81,0	78,9	80,1	80,3
Ямало-Ненецкий АО	Ненцы	54,4	61,2	61,6	59,0	61,2	64,0	66,7

Представляет научный и практический интерес анализ представительства коренных этносов в структуре населения своих национально-территориальных образований за относительно длительный период времени — 1939–2010 гг. Республика Тыва представлена с 1959 г., что связано с её вхождением в состав СССР 17 августа 1944 г. Коренные / титульные этносы северных регионов России показывают разнонаправленную динамику по занимаемой доле в этнической структуре населения своих субъектов (табл. 4).

Доля титульных этносов в национальных регионах российского Севера,
по данным переписей населения 1939–2010 гг., %

Регион	Год образования	Титульный этнос	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.*	2010 г.*
Республика Карелия	1920	Карелы	23,2	13,1	11,8	11,1	10,0	9,2	7,4
Республика Коми	1921	Коми	72,5	30,1	28,6	25,3	23,3	25,3	23,7
Республика Саха (Якутия)	1922	Якуты	56,3	46,4	43,0	36,9	33,4	45,7	49,9
Республика Тыва	1944	Тувинцы	-	57,0	58,6	60,5	64,3	77,0	82,0
Ненецкий АО	1929	Ненцы	11,8	10,9	15,0	12,8	11,9	19,0	18,6
Ханты-Мансийский АО	1930	Манси	6,2	5,0	2,5	1,1	0,5	0,7	0,8
		Ханты	13,1	9,0	4,5	1,9	0,9	1,2	1,3
Чукотский АО	1930	Чукчи	56,3	21,4	10,9	8,1	7,3	24,0	26,7
Ямало-Ненецкий АО	1930	Ненцы	29,3	22,4	22,0	11,0	4,2	5,3	5,9

* В процентах к численности лиц, указавших национальную принадлежность.

Анализируя динамику доли титульных этносов в структуре населения своих регионов можно отметить, что для трёх этносов — карелов, коми и чукчей — переломным был 1959 г., когда их доля в составе населения сократилась примерно в два и более раза к 1939 г., затем их доля продолжала уменьшаться, но не так интенсивно. Шло плавное уменьшение доли якутов в этнической структуре населения Республики Саха (Якутия) с 1939 по 1989 гг., а затем её рост до 2010 г., когда якуты стали составлять почти половину населения своей республики. В стратегических документах развития Республики Саха (Якутия) ставятся амбициозные задачи, в их числе: 1) вновь стать регионом с миллионным числом жителей и 2) чтобы в республике доля якутов стала составлять более половины её населения [24].

Из восьми этносов больше всего подверглись миграционному влиянию / воздействию при экономическом освоении территорий манси и ханты, проживающие в Ханты-Мансийском АО, и ненцы, живущие в Ямало-Ненецком АО. Только тувинцы показали завидную динамику как абсолютного роста численности, так и увеличения своей доли в этнической структуре населения (25 п. п.).

Заслуживает внимание исследование, проведённое по Чукотскому АО [25, с. 69–70]. В нём, в частности, отмечается, что на внутрорегиональном и локальном уровнях можно наблюдать значительные различия в динамике населения и их связь с этническим составом населения и типом ресурсопользования. Исследования в таком этническом регионе Севера, как Чукотка выявили более и менее устойчивые социодемографические системы и населённые пункты. Установлено, что условиями, способствующими нестабильности локальных социодемографических систем и населённых пунктов на Севере из-за вероятности миграционного оттока, являются: монопрофильность населённого пункта; отсутствие статуса административного центра; слабая укоренённость пришлого населения и его занятость в отраслях, связанных с использованием невозобновляемых минеральных ресурсов в условиях рыночной экономики. Более устойчивыми являются локальные системы с преобладающим коренным населением, занятым в сфере традиционного использования возобновляемых природных ресурсов.

Этнический состав населения России и её северных регионов

Для раскрытия взаимосвязи миграционных процессов и этнических структур в регионах российского Севера сделаем следующее допущение. Если бы представители всех этносов России имели примерно одинаковую интенсивность миграции как за пределы своих национальных образований, так и в северные регионы России, то в таком случае наиболее многочисленные этносы страны должны были бы быть представлены в национальной структуре населения российского Севера согласно своей доле в составе населения России с некоторым отклонением в любую из сторон. Чтобы подтвердить или опровергнуть выдвинутое допущение рассмотрим этнический состав населения России, выделив в нём десять наиболее многочисленных национальностей, на долю которых в 2010 г. приходилось 91,94 % (табл. 5).

В число десяти наиболее многочисленных национальностей вошли представители трёх этносов, представляющих сегодня независимые государства: Украину, Армению и Казахстан (украинцы, армяне и казахи). Доля указанных этносов в национальном составе населения России в 2010 г. составляла 2,73 % (в 1989 г. — 3,76 %, в 2002 г. — 3,30 %). Пять этносов проживают

в своих национальных республиках РФ: татары, башкиры, чувашы, чеченцы, мордва — 7,6 5 % (в 1989 г. — 7,23 %, в 2002 г. — 7,71 %). Аварцы проживают в своем большинстве в Республике Дагестан — 850011 чел. (93,2 % от общей численности, проживающих в России), на их долю приходится 29,4 % населения республики. В национальной структуре населения России они увеличили свою долю на 0,29 п. п. В 1989 г. в число десяти наиболее многочисленных национальностей входили белорусы — 1 млн 206,2 тыс. чел. (6 место), немцы — 842,3 тыс. чел. (9 место) и удмурты — 714,8 тыс. чел. (10 место). В 2002 г. белорусы с численностью населения 808,0 тыс. чел. переместились с 6 на 10 позицию. Микроперепись населения 2015 г. зафиксировала иной состав наиболее многочисленных национальностей. Восьмое место «заняли» осетины, десятое — ингуши, аварцы и казахи переместились на 11 и 13 место соответственно. Якуты стали занимать 12 позицию. Однако отметим, что к результатам микропереписи населения 2015 г. стоит относиться с осторожностью, особенно при рассмотрении национальных структур территорий проживания немногочисленных коренных этносов.

Таблица 5

Национальный состав населения России,
по данным переписей населения 1989–2010 гг. и микропереписи населения 2015 г.*

Национальность	Человек			% от указавших национальную принадлежность			Справочно (микроперепись населения 2015 г.)	
	1989 г.	2002 г.	2010 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	национальность	% от указавших
Русские	11986594	115889107	111016896	81,54	80,64	80,90	Русские	81,92
Татары	5522096	5554601	5310649	3,76	3,87	3,87	Татары	3,27
Украинцы	4362872	2942961	1927988	2,97	2,05	1,40	Чеченцы	1,07
Башкиры	1345273	1673389	1584554	0,92	1,16	1,15	Чуваши	0,94
Чуваши	1773645	1637094	1435872	1,21	1,14	1,05	Украинцы	0,93
Чеченцы	898999	1360253	1431360	0,61	0,95	1,04	Башкиры	0,74
Армяне	532390	1130491	1182388	0,36	0,79	0,86	Армяне	0,61
Аварцы	544016	814473	912090	0,37	0,57	0,66	Осетины	0,58
Мордва	1072939	843350	744237	0,73	0,59	0,54	Мордва	0,56
Казахи	635865	653962	647732	0,43	0,46	0,47	Ингуши	0,55

* Ранжировано по 2010 г.

По аналогии рассмотрим национальный состав населения российского Севера. Для сравнения также возьмём десять наиболее многочисленных этносов. Анализируя этнический состав населения Севера России можно отметить следующее. В национальном составе населения российского Севера присутствует Украина. В структуре национальностей она и в России, и на Севере занимает третью позицию. Национальный состав Севера представляют ещё два суверенных государства, но уже другие, в отличие от России: республики Беларусь и Азербайджан. Вместе с Украиной на их долю приходится 5,72 % (в 1989 г. — 10,64 %, в 2002 г. — 7,77 %). Из приведённых цифр следует, что в национальном составе населения российского Севера украинцев, белорусов и азербайджанцев в 2010 г. стало на 4,92 п. п. меньше, чем было в 1989 г. (табл. 6).

Таблица 6

Национальный состав населения российского Севера, по данным переписей населения 1989–2010 гг.*

Национальность	Человек			% от указавших национальную принадлежность		
	1989 г.	2002 г.	2010 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Русские	6872594	5798139	5359227	70,91	70,39	71,10
Якуты	366458	433210	467321	3,78	5,26	6,20
Украинцы	778582	456561	297495	8,03	5,54	3,95
Тувинцы	198706	235735	249704	2,05	2,86	3,31
Коми	310879	275548	216379	3,21	3,35	2,87
Татары	213051	189245	175628	2,20	2,30	2,33
Белорусы	221045	129233	80235	2,28	1,57	1,06
Азербайджанцы	32362	54625	53728	0,33	0,66	0,71
Башкиры	53567	52893	50661	0,55	0,64	0,67
Карелы	84214	68787	47444	0,87	0,84	0,63

* Ранжировано по 2010 г.

Из десяти многочисленных этносов, проживающих на российском Севере, шесть представляют свои национальные республики: якуты, тувинцы, коми, татары, башкиры и карелы. Их доля в национальной структуре населения Севера России составляет 16,01 % (в 1989 г. — 12,66 %, в 2002 г. — 15,25 %). Можно отметить, что указанные этносы увеличили своё представительство на 3,35 п. п. Заметим, что в 1989 г. в «первую десятку» входили чуваша — 47,5 тыс. чел. (10 место). Четыре этноса представляют республики, чьи территории относятся к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям: якуты, тувинцы, коми и карелы. На их долю приходится 13,01 % (в 1989 г. — 9,91 %, в 2002 г. — 12,31 %). Как видим, северные народы увеличили своё представительство на 3,1 п. п. за счёт якутов и тувинцев. Однако в абсолютном исчислении с 2002 по 2010 гг. произошло уменьшение этих этносов с 1 млн 013 тыс. 280 чел. до 980 тыс. 848 чел., абсолютная убыль составила 32 тыс. 432 чел. Здесь также можно добавить, что одиннадцатую позицию в структуре национальностей населения Севера занимают ненцы — 39 тыс. 940 чел., в том числе из них проживали на Европейском Севере 8 тыс. 676 чел. и на Азиатском Севере — 31 тыс. 264 чел. (2010 г.).

Рассмотрев национальную структуру населения России и её северных регионов, можно отметить следующее. Из десяти многочисленных национальностей России на Севере в первой десятке представлены четыре: русские, украинцы, татары и башкиры. Остальные шесть этносов по своей доле в национальной структуре населения северных регионов занимают следующие места: чуваша — 13, армяне — 21, мордва — 27, чеченцы — 28, казахи — 31 и аварцы — 37. Близкое представительство указанных национальностей наблюдается и в этнической структуре населения национальных регионов российского Севера (табл. 7).

Таблица 7

Место, занимаемое отдельными этносами
в национальной структуре населения России и российского Севера, по данным переписи населения 2010 г.*

Национальности	Российская Федерация	Российский Север	Европейский Север	Азиатский Север	Национальные регионы Севера РФ
Русские	1	1	1	1	1
Татары	2	6	6	5	6
Украинцы	3	3	3	4	4
Башкиры	4	9	16	6	8
Чуваши	5	13	8	14	13
Чеченцы	6	28	32	27	27
Армяне	7	21	12	21	21
Аварцы	8	37	35	34	35
Мордва	9	27	14	26	28
Казахи	10	31	29	30	31

* Ранжировано по РФ.

По-разному представлены десять многочисленных этносов на Европейском и Азиатском Севере. Европейским регионам отдали предпочтение в качестве места жительства и работы русские, украинцы, татары, чуваша, армяне, мордва и башкиры, Азиатскому Северу — русские, украинцы, татары, башкиры и чуваша (занимают места в числе первых двадцати позиций). Частично объяснить эти предпочтения можно расстоянием между территориями обмена мигрантами и схожестью отраслевой специализации отдающих и принимающих сторон. Этническая специализация зависит от стажа миграции между территориями и от укоренённости диаспоры в принимающей среде [8, с. 212].

Присутствие в национальной структуре представителей бывших союзных республик можно объяснить тем, что миграционные потоки между ними и Россией по-прежнему имеют место, с кем-то они стабильны, с кем-то в отдельные годы имели разную интенсивность, однако российский рынок труда привлекателен для выходцев из Средней Азии и Закавказья. Можно констатировать, что в целом, за исключением Республики Беларусь, северные регионы имеют положительный миграционный баланс с бывшими союзными республиками ССР. Из общего миграционного прироста России на северные регионы приходится 5,69 % (при доле населения — 5,49 %, 2014 г.) (табл. 8).

Рассматривая национальный состав населения российского Севера за относительно длительный период времени, можно отметить две тенденции, или два направления, динамики представительства отдельных этносов: восходящую и ниспадающую. Всего попали в выборку 20 этносов, каждый из которых в определённый исторический период времени входил в десять самых

многочисленных национальностей населения Севера России. Для анализа мы будем использовать материалы только переписей населения. Микроперепись населения 2015 г. приводится справочно, так как её результаты существенно меняют ранг значимости отдельных этносов, например чукчей и коряков. Два этноса — русские и якуты — с 1926 по 2010 гг. прочно занимают первые два места. Высоко представительство коми этноса — 2–5 места. Повысили свой рейтинг: азербайджанцы, башкиры, белорусы, корейцы, немцы, татары, тувинцы, украинцы и чуваш. Остальные восемь национальностей снизили свой рейтинг в национальной структуре населения северных регионов России, особенно значительно: вепсы (с седьмого на сорок третье место), чукчи (с шестого на двадцать пятое), эвенки (с пятого на шестнадцатое) и карелы (с четвертого на десятое место) (табл. 9).

Таблица 8

Миграционный прирост населения России и российского Севера
в результате обмена населением с зарубежными странами за 2004–2014 гг.*

Страна	Российский Север		Европейский Север		Азиатский Север		Российская Федерация	
	место	человек	место	человек	место	человек	место	человек
Украина	1	35857	1	9189	1	26668	2	381622
Кыргызстан	2	21085	5	2436	2	18649	5	229079
Узбекистан	3	17514	3	3532	3	13982	1	462956
Азербайджан	4	17388	2	6066	5	11322	7	157686
Таджикистан	5	15801	6	2248	4	13553	6	212408
Казахстан	6	12480	8	1909	6	10571	3	356356
Молдова, республика	7	9403	7	2010	7	7393	8	148694
Армения	8	7763	4	3296	8	4467	4	259673
Грузия	9	1715	9	1021	10	694	9	69128
Беларусь		2		-1105	9	1107	11	35869
Всего		133573		25111		108462		2347275

* Ранжировано по российскому Северу.

Таблица 9

Национальный состав населения российского Севера,
по данным переписей населения 1926–2010 гг. и микропереписи населения 2015 г., первые десять мест*

Национальность	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2015 г.
Русские	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Якуты	2	3	4	4	3	3	3	2	2
Украинцы	14	5	2	2	2	2	2	3	5
Тувинцы	-	-	6	6	6	7	5	4	3
Коми	3	2	3	3	4	4	4	5	4
Татары	12	8	8	8	7	6	6	6	6
Белорусы	20	6	5	5	5	5	7	7	9
Азербайджанцы	-	36	33	37	27	15	9	8	11
Башкиры	-	34	35	27	16	9	10	9	13
Карелы	4	4	7	7	8	8	8	10	10
Ненцы	9	9	13	11	13	16	12	11	8
Корейцы	23	25	9	9	9	11	13	12	17
Чуваш	-	22	18	14	11	10	11	13	18
Ханты	-	10	17	15	15	18	16	14	15
Эвенки	5	13	20	22	21	21	19	16	20
Немцы	25	14	10	10	10	12	14	20	22
Чукчи	6	7	19	18	19	22	23	25	7
Финны	10	11	11	11	14	17	22	32	40
Коряки	8	17	25	24	28	31	33	34	14
Вепсы	7	15	22	26	34	36	38	43	57-59

* Ранжировано по переписи 2010 г.

Как было отмечено выше, миграции оказывают существенное влияние на этнические структуры населения северных регионов России за счёт количественного преобладания пришлого над коренным населением. Это прямое воздействие с начала 1950-х гг. и в последующие годы, его нельзя исключить. Есть и вторая составляющая — ассимиляционные процессы, косвенно влияющие на этнические структуры принимающих сообществ. Этот аспект «растворения» малочисленных коренных этносов в многочисленности прибывающих мигрантов заслуживает особого внимания.

Процесс ассимиляции, несмотря на определённую степень условности, можно измерить рядом показателей: уровнем рождаемости коренного и пришлого населения; распространённостью межнациональных браков; владением родным языком и языком доминирующей национальности; развитием национальной инфраструктуры и т. п.

Вклад ассимиляционных процессов в этнические структуры рассмотрим на примере распределения домохозяйств по национальности его членов. В статистике при проведении переписей населения выделяются два типа домохозяйств: совместно проживают лица, принадлежащие к одной национальности, и члены домохозяйств, принадлежащие к разным национальностям. Анализ можно проводить по любой из двух совокупностей (вместе дают 100 %).

Среди всех рассматриваемых регионов выделяется Республика Тыва: доля домохозяйств, где все члены одной национальности, составляет 91,6–95,5 % (1970–2010 гг.). Эти домохозяйства наиболее сплочены, поскольку их сближает схожее восприятие культуры и обычаев своего народа. Такое в мировой практике встречается весьма редко. Также можно отметить, что практически во всех северных национально-территориальных образованиях доля этнически смешанных домохозяйств выше, чем в среднем по России (более чем вдвое). Особенно высока она в Республике Коми — 34,8 % и Ямало-Ненецком АО — 30,0 % (табл. 10).

Таблица 10

Распределение семей, частных домохозяйств, состоящих из двух и более человек, по национальной однородности в регионах российского Севера, по данным переписей населения 1970–2010 гг., %

Регион	В том числе семей, домохозяйств, где все члены домохозяйств принадлежат					
	к одной национальности			к разным национальностям		
	1970 г.	2002 г.	2010 г.	1970 г.	2002 г.	2010 г.
Россия	89,3	85,2	88,3	10,7	14,8	11,7
Республика Карелия	66,8	66,5	73,5	33,2	33,5	26,5
Республика Коми	68,9	61,3	65,2	31,1	38,7	34,8
Республика Саха (Якутия)	83,2	78,6	82,1	16,8	21,4	17,9
Республика Тыва	92,6	91,6	95,5	7,4	8,4	4,5
Ненецкий АО	77,1	66,0	71,2	22,9	34,0	28,8
Ханты-Мансийский АО	79,9	67,4	71,1	20,1	32,6	28,9
Чукотский АО	76,5	65,4	70,9	23,5	34,6	29,1
Ямало-Ненецкий АО	78,1	65,0	70,0	21,9	35,0	30,0

Примечание. Число семей, домохозяйств, всего — 100 %.

Просматривается еще одна особенность. С 1970 по 2002 гг. по России в целом и в её северных регионах шло увеличение доли домохозяйств, где все члены принадлежат к разным национальностям. В последующий период (2002–2010 гг.) видна обратная тенденция — сокращение доли домохозяйств, где все члены принадлежат к разным национальностям. Это прямая зависимость от миграции — в убывающем населении преобладают смешанные семьи. Как следствие, возрастает доля одноподнациональных семей из числа лиц коренной национальности.

Заключение

Проведённый анализ влияния миграции на динамику численности и этнические структуры населения северных регионов России показал, что на протяжении освоения, а затем обживания российского Севера, миграции являлись основным фактором происходящих изменений. Особенно заметно это отразилось на этнических структурах тех регионов, где население было сформировано миграциями. Как результат воздействия миграции — коренные этносы стали составлять незначительный удельный вес в составе населения своих национально-территориальных образований, расположенных на российском Севере. В то же время наметилась положительная

тенденция — концентрация коренного населения в пределах своих национально-территориальных образований. Раскрыто, что из десяти наиболее многочисленных этносов России только русские, украинцы, татары и башкиры принимают активное участие в заселении северных регионов, формировании там демографического и трудового потенциалов. Чтобы сгладить негативные последствия миграций (утрата национальной культуры и родного языка коренным населением) региональным правительствам необходимо проводить целенаправленную национальную политику, призванную сохранить культуру и язык коренного населения. В этом плане положительным является опыт республик Коми и Саха (Якутия).

Благодарность

Авторы выражают признательность Анне Гончаренко и Андрею Смирнову за помощь в подготовке рукописи к печати.

Литература

1. Рыбаковский Л. Л., Тарасова Н. В. Взаимодействие миграционных и этнических процессов // Социологические исследования. 1982. № 4. С. 27–34.
2. Многоликая миграция / под общ. ред. О. Д. Воробьевой, А. В. Топилина. М.: Экон-Информ, 2014. 261 с.
3. Миграционные процессы в России / под ред. В. В. Локосова и Л. Л. Рыбаковского. М.: Экон-Информ, 2014. 383 с.
4. Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии: сб. науч. тр. Сыктывкар, 2004. Вып. 1. 232 с.
5. Рыбаковский Л. Л. Депопуляция и ее этнические аспекты в России // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 18–28.
6. Топилин А. В. Влияние миграции на этнонациональную структуру // Социологические исследования. 1992. № 7.
7. Жеребцов И. Л., Фаузер В. В. Управление социально-демографическими и этническими процессами в национальном регионе (на примере Республики Коми XV–XX вв.) // Российский фонд фундаментальных исследований. Региональный конкурс «Урал–2001» в Республике Коми отчёты 2001–2003 годов. Коми научный центр УрО РАН. Сыктывкар, 2004. С. 361–383.
8. Соболева С. В., Октябрьская И. В., Антропов Е. В. Человеческий потенциал городов Сибирского федерального округа: оценка этнических рисков в контексте развития миграции // Регион: экономика и социология. 2013. № 4 (80). С. 198–220.
9. Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы / И. Ф. Верещагин, К. С. Зайков, А. М. Тамицкий, Т. И. Трошина, Ф. Х. Соколова, Н. К. Харлампьева и др.; под общ. ред. Н. К. Харлампьевой; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск: САФУ, 2017. 325 с.
10. Северные регионы России: социально-экономические, демографические и этнические процессы. Сыктывкар, 2000. 408 с.
11. Пространственные и временные тенденции социально-экономических процессов на российском Севере / отв. ред. В. Н. Лаженцев. Москва–Сыктывкар, 2012. 346 с.
12. Aksyanova G. A. Ethnic Demography of Western Siberia At the End of the 20th Century // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2011. Vol. 39. Issue 2. P. 128–142.
13. Anu Yijälälnga, Jasinskaja-Lahti Pre-migration Acculturation Attitudes among Potential Ethnic Migrants from Russia to Finland // International Journal of Intercultural Relations. 2010. Vol. 34. Issue 4. P. 326–339.
14. Saxinger Gertrude. Lured by Oil and Gas: Labour Mobility, Multi-locality and Negotiating Normality and Extreme in the Russian Far North // The Extractive Industries and Society. 2016. Vol. 3. Issue 1. P. 50–59.
15. Лыткина Т. С., Фаузер В. В. Государственное управление принудительной миграцией как способ освоения Севера России в 1930–1950-е гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Том XIX. № 1 (84). С. 90–109.
16. Фаузер В. В. Население российского Севера: проблемы воспроизводства // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 3 (54). С. 121–133.
17. Фаузер В. В. Финно-угорские народы: история демографического развития. Сыктывкар, 2005. 24 с.
18. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. 2012. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139350> (дата обращения: 20.11.2017).
19. Демографические и миграционные процессы на Российском Севере: 1980–2000 гг. / отв. ред. д-р экон. наук, проф. В. В. Фаузер. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 168 с.

20. Население северных регионов: от количественных показателей к качественному измерению / отв. ред. В. В. Фаузер. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 240 с.
21. Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики. М.–Л., 1965.
22. Топилин А. В. Взаимодействие миграционных и этнических процессов. М.: Экон-Информ, 2010.
23. Богдавленский Д. Д. Вымирают ли народы Севера? // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 55–61.
24. Экономика Востока России. 2017. № 01 (07). 123 с.
25. Литвиненко Т. В. Эволюция населения Чукотского автономного округа в советский и постсоветский периоды / под ред. чл.-корр. РАН С. В. Рязанцева и к.ф.-м.н. М. Н. Храмовой // Демографическое развитие российского Дальнего Востока: сб. ст. Серия «Демография. Социология. Экономика» / М.: Экон-Информ, 2016. Т. 2, № 1. С. 63–70.

References

1. Rybakovskij L. L., Tarasova N. V. *Vzaimodejstvie migracionnyh i ehnticheskikh processov* [Interaction of Migratory and Ethnic Processes]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Socialological Studies], 1982, no. 4, pp. 27–34. (In Russ.).
2. Vorob'eva O. D., Grebenyuk A. A., Leonova M. A., Mukomel' V. I., Topilin A. V. *Mnogolikaya migraciya* [Many-Faced Migration]. Moscow, Ehkon-Inform, 2014, 261 p. (In Russ.).
3. Vorob'eva O. D., Ioncev V. A., Kozhevnikova N. I., Krasinec E. S., Rybakovskij L. L. i dr. *Migracionnye processy v Rossii* [Migration Processes in Russia]. Moscow, Ehkon-Inform, 2014, 383 p. (In Russ.).
4. *Ehtnodemograficheskie i ehntnokul'turnye processy na Krajnem Severe Evrazii* [Ethno-Demographic and Ethno-Cultural Processes in the Far North of Eurasia]. Syktyvkar, 2004, vol. 1, 232 p. (In Russ.).
5. Rybakovskij L. L. *Depopulyaciya i ee ehnticheskie aspekty v Rossii* [Depopulation and its Ethnical aspects in Russia]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Socialological studies], 2015, no. 4, pp. 18–28. (In Russ.).
6. Topilin A. V. *Vliyanie migacii na ehntnonacional'nuyu strukturu* [The influence of Migration on Ethno-National Structure]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Socialological Studies], 1992, no. 7. (In Russ.).
7. Zherebcov I. L., Fauzer V. V. *Upravlenie social'no-demograficheskimi i ehnticheskimi processami v nacional'nom regione (na primere Respubliki Komi XV–XX vv.)* [The Management of Socio-Demographic and Ethnic Processes in the National Region (on the Example of Komi Republic XV–XX Centuries)]. *Rossijskij fond fundamental'nyh issledovanij. Regional'nyj konkurs «Ural–2001» v Respublike Komi otchetny 2001–2003 godov. Komi nauchnyj centr UrO RAN* [Russian Fond of Fundamental Researches. Regional Competition “Ural–2001” in the Komi Republic reports 2001–2003. Komi Science Center UrD of RAS]. Syktyvkar, 2004, pp. 361–383. (In Russ.).
8. Soboleva S. V., Oktyabr'skaya I. V., Antropov E. V. *Chelovecheskij potencial gorodov Sibirskogo federal'nogo okruga: ocenka ehnticheskikh riskov v kontekste razvitiya migracii* [Human Potential in Cities of the Siberian Federal District: Assessing Ethnic Risks in the Context of Progressing Migration]. *Region: ehkonomika i sociologiya* [Region: Economy and Sociology], 2013, no. 4 (80), pp. 198–220. (In Russ.).
9. Vereshchagin I. F., Zajkov K. S., Tamickij A. M., Troshina T. I., Sokolova F. H., Harlamp'eva N. K. *Ehtnonacional'nye processy v Arktike: tendencii, problemy i perspektivy* [Ethnonational Processes in the Arctic: Trends, Problems and Prospects]. Arhangel'sk, SAFU, 2017, 325 p. (In Russ.).
10. *Severnnye regiony Rossii: social'no-ehkonomicheskie, demograficheskie i ehnticheskie processy* [Northern Regions of Russia: Socio-Economic, Demographic and Ethnic Processes]. Syktyvkar, 2000, 408 p. (In Russ.).
11. *Prostranstvennye i vremennye tendencii social'no-ehkonomicheskikh processov na rossijskom Severe* [Spatial and Temporal Tendencies of Socio-Economic Processes in the Russian North]. Moscow–Syktyvkar, 2012, 346 p. (In Russ.).
12. Aksyanova G. A. Ethnic Demography of Western Siberia at the End of the 20th Century. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2011, Vol. 39, Issue 2, pp. 128–142. (In Russ.).
13. Anu Yijälännga, Jasinskaja-Lahti. Pre-Migration Acculturation Attitudes among Potential Ethnic Migrants from Russia to Finland. *International Journal of Intercultural Relations*, 2010, vol. 34, issue 4, pp. 326–339.
14. Saxinger Gertrude. Lured by Oil and Gas: Labour Mobility, Multi-locality and Negotiating Normality and Extreme in the Russian Far North. *The Extractive Industries and Society*. 2016, vol. 3, issue 1, pp. 50–59.
15. Lytkina T. S., Fauzer V. V. *Gosudarstvennoe upravlenie prinuditel'noj migraciej kak sposob osvoeniya Severa Rossii v 1930–1950-e gg.* [Government Management of Forced Migration as a Way of Development of the Russian North in 1930–1950]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2016, vol. XIX, no. 1 (84), pp. 90–109. (In Russ.).

16. Fauzer V.V. *Naselenie rossijskogo Severa: problemy vosproizvodstva* [Population of the Russian North: Reproductive Problems]. *Sever i rynek: formirovanie ehkonomicheskogo poryadka* [North and the Market: the Formation of the Economic Order], 2017, no. 3 (54), pp. 121–133. (In Russ.).
17. Fauzer V.V. *Finno-ugorskie narody: istoriya demograficheskogo razvitiya* [Finno-Ugric Peoples: a History of Demographic Development]. Syktyvkar, 2005, 24 p. (In Russ.).
18. *Strategiya gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda* [The Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period until 2025]. (In Russ.). Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139350> (accessed 20.11.2017).
19. *Demograficheskie i migracionnye processy na Rossijskom Severe: 1980–2000 gg.* [Demographic and Migratory Processes on the Russian North: 1980–2000]. Syktyvkar, Izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina, 2016, 168 p. (In Russ.).
20. *Naselenie severnyh regionov: ot kolichestvennyh pokazatelej k kachestvennomu izmereniyu* [Population of the Northern Regions: from Quantitative Indicators to the Qualitative Measuring]. Syktyvkar, Izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina, 2016, 240 p. (In Russ.).
21. Tarle E. V. *Ocherki istorii kolonial'noj politiki* [Essays of History of the Colonial Politics]. M.–L., 1965. (In Russ.).
22. Topilin A. V. *Vzaimodejstvie migracionnyh i ehnicheskikh processov* [The Interaction of the Migratory and Ethnic Processes]. Moscow, Ehkon-Inform, 2010. (In Russ.).
23. Bogoyavlenskij D. D. *Vymirayut li narody Severa?* [Whether the Nations of the North are Dying?]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2005, no. 8, pp. 55–61. (In Russ.).
24. *Ehkonomika Vostoka Rossii* [The economy of Russian East], 2017, no. 01 (07), 123 p.
25. Litvinenko T. V. *Ehvoluciya naseleniya Chukotskogo avtonomnogo okruga v sovetskij i postsovetskij periody* [Evolution of Population of Chukotka Autonomous District in Soviet and Post-Soviet Periods]. *Demograficheskoe razvitie rossijskogo Dal'nego Vostoka: Sbornik statej. Seriya "Demografiya. Sociologiya. Ehkonomika"* [Demographic Development of Russia Far East: Collection of the Articles. Series "Demography. Sociology. Economy"]. Moscow, Ehkon-Inform, 2016, pp. 63–70. (In Russ.).

DOI: 10.25702/KSC.2220-802X-5-2017-56-43-55

УДК 338.48(470.13)

В. А. Щенявский

старший научный сотрудник лаборатории проблем территориального развития

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра

Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар, Россия

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНУТРЕННЕЙ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Аннотация. Актуальность развития туризма и рекреации в северных регионах России обусловлена увеличением потребности населения в туристско-рекреационных услугах, возрастанием объёмов туристских потоков и переоценкой роли этой отрасли в экономике региона, в частности, для сельских территорий, где он может выступить «точкой» роста.

В работе дана оценка состояния внутренней туристско-рекреационной деятельности в Республике Коми, выделены ее базовые виды: природный, рекреационный и событийный. В структуре туристско-рекреационных потоков показана значительная доля (до 45 %) туризма на сельских территориях. Для оценки эффективности внутренней туристской деятельности на сельских территориях разработана методика субъектно-продуктовой оценки с учётом базовых видов туризма. Определена эффективность продуктов природного, рекреационного и событийного видов туризма. Сделан вывод о зависимости эффективности продуктов внутреннего туризма от потоков, генерируемых городской рекреацией и от доступности туристского продукта федеральных ООПТ, обладающих геологическими памятниками природы мирового уровня. Отмечена социально-культурная роль событийного туризма.

Отражены базовые направления развития внутреннего туризма на сельских территориях Республики Коми с использованием положительного опыта и существующих ограничений в формировании туристской индустрии региона. Показан механизм формирования дестинаций как способ экономически эффективного сетевого взаимодействия субъектов туризма на основе использования туристских продуктов сельских территорий.

Ключевые слова: туризм, рекреация, сельские территории, Республика Коми, оценка, эффективность, туристский продукт.